

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 7–14.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;3(56):7–14.

Научная статья
УДК 341.218.1 (470)
doi: 10.47598/2078-9025-2022-3-56-7-14

ПОНЯТИЕ «ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩИЙ НАРОД» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ*

Рушан Рахимзянович Галлямов^{1✉}, Игорь Вильсович Кучумов²

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Уфимский филиал, Уфа, Россия, gal-rushan@yandex.ru✉

²Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева — обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия, ivku@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются теоретические и прикладные аспекты применения понятия «государствообразующий народ» в современной российской политологии с точки зрения его реализации в системе конституционного права. Анализ осуществляется на основе исследования новейших документов, обсуждаемых в связи с принятием инициированных Президентом Российской Федерации поправок к Конституции Российской Федерации в ходе ее всенародного обсуждения в 2020 году. Особое внимание уделяется компаративному исследованию позиций различных авторов и правовых институтов, точки зрения которых были сформулированы в ходе развернувшейся в научном сообществе дискуссии. Акцент делается на характеристике неоднозначного понимания одной из важнейших политических категорий, принятой и внесённой в текст действующей Конституции Российской Федерации. Показано, что в настоящее время в отечественной политологии и политической практике еще не сложилась окончательная трактовка этой важнейшей дефиниции.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, государствообразующий народ, народы России, национальная политика, гражданское общество

Для цитирования: Галлямов Р. Р., Кучумов И. В. Понятие «государствообразующий народ» в современной российской политологии // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3(56). С. 7–14. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-7-14>.

Research article

THE CONCEPT OF "STATE-FORMING PEOPLE" IN MODERN RUSSIAN POLITICAL SCIENCE*

Rushan R. Gallyamov^{1✉}, Igor V. Kuchumov²

¹Financial University under the Government of the Russian Federation, Ufa branch, Ufa, Russia, gal-rushan@yandex.ru✉

²R. G. Kuzeev Institute of Ethnological Studies — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Science, Ufa, Russia, ivku@yandex.ru

---

* Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН № АААА-А21-121012290085-3.

* The article was prepared as part of the implementation of the state task of the IES UFRC RAS No. АААА-А21-121012290085-3.

Abstract. The article analyzes the theoretical and applied aspects of the application of the concept of "state-forming people" in modern Russian political science from the point of view of its implementation in the system of constitutional law. The analysis is carried out on the basis of a study of the latest documents discussed in connection with the adoption of amendments to the Constitution of the Russian Federation initiated by the President of the Russian Federation during its nationwide discussion in 2020. Particular attention is paid to a comparative study of the positions of various authors and legal institutions, the points of view of which were formulated in the course of the discussion that unfolded in the scientific community. The emphasis is on the characterization of the ambiguous understanding of one of the most important political categories adopted and included in the text of the current Constitution of the Russian Federation. It is shown that at present in domestic political science and political practice there has not yet been a final interpretation of this most important definition.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, state-forming people, Russian peoples, national policy, civil society

For citation: Gallyamov R. R., Farkhtdinov R. T. The concept of "state-forming people" in modern Russian political science. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;3(56):7–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-7-14>.

Одной из важнейших проблем новейшей политической истории России традиционно являются вопросы этнонационального развития: как во взаимоотношениях с государствами бывшего Советского Союза, так и внутри самой страны. Даже после распада СССР Российская Федерация остается одним из самых полиэтничных государств мира, хотя нерусское население в ней составляет только около 20 % от общей численности граждан. Этническое, культурное и конфессиональное многообразие, сложившееся на территории России за несколько столетий, выступает фактором, усиливающим гражданское единение страны, хотя и периодически порождает определенные коллизии. Данный факт подтверждается результатами многочисленных исследований. Например, даже среди многих авторитетных западных специалистов по национальному вопросу сформировалась устойчивая точка зрения о позитивной роли полиэтничности в развитии гражданского общества. Так, Д. Смит полагает, что «страны мира с наиболее многонациональным составом отнюдь не характеризуются самым высоким потенциалом насильственного конфликта», а «то, что обычно называют этническим конфликтом, по сути, представляет борьбу за власть или доступ к экономическим ресурсам... который прикрывается этнической маской... Трагедия заключается в том, что как только этническая маска надета, ее очень трудно сбросить» [1].

Другой не менее известный зарубежный автор, Р. Брубейкер, считает, что «фактически главными деятелями большинства этнических конфликтов... являются не этнические группы как таковые, а разного рода организации в широком смысле этого слова и их уполномоченные и облеченные властью представители» [2].

Ему вторит ведущий современный политолог-конструктивист К. Чандра, считающая, что причинами негативных явлений, которые связывают с этническим разнообразием, являются факторы окружающей среды, а не внутренняя сущность этнической идентичности. По ее мнению, этническое разнообразие может служить благотворным фактором укрепления демократий, предотвращению насилия, сдерживанию страны от сепаратизма и распада [3].

Одной из дискуссионных проблем формулирования базовых понятий национальной политики, неожиданно возникших в отечественном научном сообществе, стало предложение некоторых законодателей, подготовивших собственный вариант дополнений к действующей Конституции Российской Федерации. Дело в том, что в первоначальный проект, предложенный для всенародного обсуждения, было включено положение о русском языке как языке государствообразующего народа, которое сохранилось в окончательной редакции текста Основного Закона страны: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как

язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» (ст. 68.1). Уже на этапе обсуждения ряд специалистов и политиков, опираясь на различные аргументы, высказались о спорности подобной формулировки.

На наш взгляд, и это подтверждается анализом, проведенным различными отечественными и зарубежными авторами, в российском политическом пространстве по мере исчезновения недавних ценностей происходит, в частности, переоценка понимания идентичности — гражданское постепенно заменяется этническим, уходит в прошлое привычная этнополитическая корректность: политическое пространство, занимаемое русскими, расширяется, им и их культуре и языку все чаще отводится центральное место [4]. Одним из проявлений этого, по мнению ведущего российского этнолога В. А. Шнирельмана, является то, что несмотря на неоднократные критики, обсуждения и предложения, федеральные учебники отечественной истории продолжают страдать руссоцентризмом, искажением или полным игнорированием нерусских народов [5].

Диахронный анализ документов показывает, что о необходимости введения в Основной закон положения о государствообразующем русском народе в 1990–2020-е гг. неоднократно высказывались российские политические и общественные деятели, организации и эксперты. В середине 1990 г. разработчики федеральной концепции национального (этнического) образования утверждали, что этнические культуры, в том числе и русская, развивались в рамках «русской цивилизации», и что любая попытка оторваться от нее будет иметь катастрофические последствия для соответствующих культур. Принятием в 2007 году Закона «Об изменении понятия и структуры государственного образовательного стандарта» российская власть отменила региональный компонент (который якобы является инструментом, способствующим сепаратизму и этнической мобилизации среди школьников), тем самым сузив возможность для сохранения и развития этнической идентичности граждан, ведь, согласно классическим исследованиям национализма (Б. Андерсен, Э. Геллнер, Э. Хобс-

баум), школа играет важную роль в формировании этой формы самосознания [6].

В программной статье В. В. Путина, выдвинувшего свою кандидатуру на пост президента страны, «Россия: национальный вопрос» (Независимая газета. 23.01.2012), утверждалось, что «русский народ является государствообразующим — по факту существования России. Великая миссия русских — объединять, скреплять цивилизацию», причем «такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности».

В ходе обсуждения этого программного манифеста одни авторы утверждали, что в создание и сохранение уникальной русской культурной традиции, которая скрепляет единство России, внесли вклад представители этносов, «говорящие на русском языке» [7]. Хотя, например, в битвах за интересы Российского государства до революции сражались воины, плохо или вовсе не знавшие русский язык.

Выводы статьи В. В. Путина вошли в «Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703): «11. Российское государство создавалось как единение народов, системообразующим звеном которого исторически являлся русский народ. Благодаря объединяющей роли русского народа, многовековому межкультурному и межэтническому взаимодействию на исторической территории Российского государства сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов, приверженных единым принципам и ценностям, таким как патриотизм, служение Отечеству, семья, созидательный труд, гуманизм, социальная справедливость, взаимопомощь и коллективизм. 11.1. Общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию». В указанном концептуальном документе эти унификационные идеи присутствуют наряду с призывами распространения «в обществе установок о неприятии и недопу-

щении пропаганды идей... ксенофобии, национальной исключительности» (п. 21.1г), необходимости сохранения и поддержки этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации (п. 17г), обеспечения «равных условий для развития народов Российской Федерации и этнических общностей» (п. 18б). Тем самым, в тексте Стратегии имеются противоречия друг другу положения и дефиниции.

В развернувшуюся общественную дискуссию включились специалисты-этнологи, призванные по своим профессиональным обязанностям формулировать максимально точные определения, касающиеся этнических процессов. Например, по мнению экспертов Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, новая редакция статьи российской Конституции, наделившая статусом государствообразующей нации лишь одну этническую общность (англ. *ethnicity*), противоречит ст. 29, не допускающей агитацию и пропаганду национального или языкового превосходства [8] и не соответствует ст. 3 и 26 Конституции Российской Федерации [9]. Известный российский политолог Э. А. Паин считает, что в настоящее время основой внутригосударственной политики России фактически стал опирающийся на ксенофобию этнический национализм [10], тогда как гражданский вариант национализма рассматривает в качестве государствообразующей нации все гражданское сообщество (англ. *nationality*), способствует объединению различных этнических, религиозных и социальных слоев общества ради достижения единых политических целей. По мнению авторитетных российских этнополитологов Ю. П. Шабаева и М. А. Омарова, «этничность не может служить основой для государственности, и международное право не признает за этническими группами право на политическое самоопределение, а потому подобные формулировки неверны с правовой точки зрения» [11].

С точки зрения некоторых российских специалистов по конституционному праву, нынешний возврат к практиковавшемуся в Российской империи и отчасти в СССР архаичному принципу ранжирования народов вновь продемонстрировал нерусским национальностям их второсортность и де-факто освободил

эту часть граждан от ответственности за судьбу страны, ввел этническую сегрегацию, по сути, восстановив институт «инородцев», и потенциально активизировал ресентимент у «государствонеобразующих» этнических общностей [12].

Как отмечают включившиеся в дискуссию некоторые региональные российские культурологи, «из-за репрессивного контекста, в котором любое продвижение культуры субнациональных этнических меньшинств может рассматриваться правоохранительными органами как уголовно наказуемая противоправная деятельность, нацеленная либо на дезинтеграцию Российской Федерации, либо на разжигание межэтнической розни, происходит рост низовых культурных инициатив, которые... ведут к усилению этнической идентификации все большего числа людей» [13].

Дополнительные и хорошо обоснованные аргументы с критикой рассматриваемого нами положения о государствообразующем народе высказала казанский автор Д. Сулейманова. Она полагает, что в национальных регионах эти «низовые культурные инициативы» обычно носят националистическое выражение, которое после отмены регионального компонента воплотилось, в частности, в Татарстане в организацию внеклассных кружков и других видов деятельности, направленных на культивирование этнической и региональной идентичности. Теперь учителя «знакомят детей с историческими нарративами, которые не включены в официальные представления о прошлом. Естественно, ресурсы и институциональные структуры, созданные политикой регионализации в образовании, такие как учебники и учебные материалы, производимые на региональном уровне, играют важную роль в обеспечении этой деятельности местных педагогов. Без такой институциональной поддержки многие из их мероприятий были бы невозможны» [6].

Накал и широта развернувшейся дискуссии привели к тому, что в нее включился и Конституционный Суд Российской Федерации, являющийся высшей судебной инстанцией в области конституционного права. Позиция его членов выразилась в том, что обсуждаемое нами новое правовое положение «основано на объективном признании роли русского народа

в образовании российской государственности» [14]. Тем самым, Конституционный суд Российской Федерации проигнорировал исторические факты и не учел вклад нерусских народов в становление государства, полноправными гражданами которого они по Конституции являются. Нельзя не отметить, что широко известная своей политической неангажированностью Европейская комиссия за демократию через право при Совете Европы (так называемая «Венецианская комиссия»), применительно к оценке обсуждаемого положения, отметила, что «включение положений, касающихся русской нации, создает противоречие с многонациональным характером Российской Федерации» [15].

Анализ более поздних публикаций показывает, что некоторые отечественные авторы продолжают оспаривать обоснованность и справедливость обсуждаемой проблемы государствообразующего этноса с точки зрения этнолингвистического аспекта. Например, Р. С. Марков убежден, что формально языковой ценз является дискриминационным и применяется только авторитарными государствами. Таким образом, имеет место существование «прямо непредусмотренного федеральным законодательством ограничения пассивного избирательного права для кандидатов на должность высших должностных лиц республик в составе Российской Федерации. Противоречивость конституционно-правовой природы анализируемого ценза позволяет в равной степени рассматривать его в качестве законного требования, укрепляющего политическую и национальную идентичность республик, и нарушения федеральных избирательных стандартов и конституционных прав, дискриминирующее значительное число граждан Российской Федерации. Очевидно, что федеральному законодателю требуется ликвидировать выявленный пробел» [16].

Авторы настоящей статьи, присоединяясь к настоящей дискуссии, считают, что наряду с политологическим и конституционно-правовыми аспектами проблемы, четко прослеживается и ее историческая составляющая. Дело в том, что и на этапе создания Российской империи, и при образовании Советского Союза, многочисленные нерусские народы принима-

ли активное участие в формировании территории этих государств, привнеся в систему государственного строительства свои этнополитические особенности, сохранявшиеся в том или ином виде даже в политическом устройстве страны. Одновременно, как это аргументированно доказали отечественные авторы, нерусские народы внесли огромный вклад в собственно русскую культуру, обогатили лексику русского языка, во многом разнообразили истецблишмент российской политической и культурной элиты. При этом, как показывают новейшие исследования, многие нерусские народы, в том числе в виде этнических военных формирований, принимали активное участие в обороне, расширении и освоении территорий будущего единого Российского государства. В этом смысле они тоже являются государствообразующими народами нашей страны.

Выводы

1. Российское общество на всех этапах своего формирования и развития отличалось чрезвычайно полиэтничным характером населения. Даже после распада СССР как правопреемника Российской империи, Российская Федерация продолжает оставаться самым полиэтничным государством мира. Это во многом определяет специфику ее социально-политического развития. При этом в современной мировой политологии полиэтничность государств, в отличие от предшествующей историографии, рассматривается как скрепляющий фактор единства гражданского общества.

2. В постсоветскую эпоху среди отечественных ученых и политиков возобновилась дискуссия о теоретических и прикладных аспектах использования понятия «государствообразующий народ» с точки зрения его реализации в системе конституционного права. В принятых по итогам всенародного обсуждения поправок к Конституции Российской Федерации было закреплено положение о том, что «государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» [17]. Как показал предпринятый нами анализ, и на этапе обсуждения, и даже после

вынесения соответствующего решения Конституционного суда, в экспертном и широком гражданском сообществе развернулась активная дискуссия о правомерности данного нормативно-правового положения. Специалистами различных направлений высказывались и продолжают озвучиваться самые различные аргументы в защиту и с критикой данной законодательной новеллы.

3. Произведенный нами анализ показал, что в обществе и среди экспертов продолжает сохраняться неоднозначная характеристика этой одной из важнейших политических категорий, которая в настоящее время внесена в текст действующей Конституции Российской Федерации и является правовым обоснованием государственной национальной политики. В то же время, как было нами показано, в настоящее время в отечественной политологии и политической практике еще не сложилась окончательная трактовка этой важнейшей дефиниции.

4. Авторы, присоединяясь к упомянутой дискуссии, считают, что на фоне политологи-

ческого и конституционно-правового обсуждения данной проблемы, к сожалению, пока недооценивается ее исторический аспект. Так, не требует специальных доказательств факт активного участия многочисленных нерусских народов в формировании территории нашей страны: как на этапе создания Российской империи, так и при образовании Советского Союза. Несомненно, что нерусские народы внесли огромный вклад в систему государственного строительства страны посредством использования своих этнополитических традиций, в том или ином виде сохраняющихся в политическом устройстве России. Очевидно и то, что нерусские народы оказали значительное влияние на собственно русскую культуру, на лексику русского языка, на состав российской политической и культурной элиты. Нерусское население, в том числе в виде этнических военных формирований, принимало активное участие в обороне, расширении и освоении территорий Российского государства, являясь в полном смысле государствообразующими народами нашей страны.

Список источников

1. Смит Д. Причины и тенденции вооруженных конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации : настольная книга Бергхофского центра / пер. с англ.; ред. В. Тишков, М. Устинова. М. : Наука, 2007. С. 116–131.
2. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М. : ИД «Высшая школа экономики», 2012. 408 с.
3. Chandra K. Introduction /ed. by K. Chandra. Constructivist Theories of ethnic politics. Oxford : Oxford University Press, 2012. P. 1–48.
4. Kolstø P. Introduction : Russian nationalism is back — but precisely what does that mean? / eds.: P. Kolstø, H. Blakkisrud. The New Russian Nationalism : Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–15. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2016. P. 1–17.
5. Shnirelman V. Stigmatized by History or by Historians? The Peoples of Russia in School History Textbooks // History and Memory. 2009. Vol. 21, No. 2. P. 110–149.
6. Suleymanova D. Pedagogies of culture schooling and identity in post-soviet Tatarstan, Russia. Cham : Palgrave Macmillan, 2020. 203 p.
7. Комаров Н. П. Московский дом национальностей: из опыта межэтнического взаимодействия в Москве // Информационно-аналитический сборник по материалам круглого стола «Обсуждение статьи Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина «Россия: национальный вопрос» (01.02.2012): в помощь руководителям национальных общественных объединений и национально-культурных автономий / под ред. Н. П. Комарова. М. : Московский дом национальностей, 2012. С. 13–21.
8. Степанов В. В., Филиппова Е. И., Функ Д. А. О дополнении в Конституцию Российской Федерации положения о русском языке // Институт этнологии и антропологии Российской академии наук : официальный сайт. URL: <https://iea-ras.ru/index.php?go=News&in=view&id=2008>
9. Олийнык И. Л., Дегтярева Л. Н. Конституционный принцип многонациональности народа и его роль в развитии государственной национальной политики // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы V Международной научной конференции (Донецк, 17–18 ноября 2020 г.). Т. 8 : Юрич. науки. Ч. 1 / под общ. ред. С. В. Беспаловой. Донецк : Донецкий национальный университет, 2020. С. 122–125.

10. Паин Э. А. Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья // Pro et Contra. 2014. Т. 62, № 1–2. С. 34–53.
11. Шабаетов Ю. П., Омаров М. А. Регионализм и этничность в России: историческая эволюция и современные политические практики. М. : РГГУ, 2021. 481 с.
12. Яхшиян О. Ю., Волох В. А. Поправки в Конституцию Российской Федерации как основа политики идентичности в Российской Федерации // Вестник Государственного университета управления. 2020. № 11. С. 217–224.
13. Юсупова Г. Н., Озерова К. А. Культурные этнические инициативы и (де)политизация этничности в России // Социология власти. 2021. Т. 33, № 2. С. 147–167.
14. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2020. № 2. С. 4–26.
15. Russian Federation. Interim Opinion on constitutional amendments and the procedure for their Adoption : Adopted by the Venice Commission at its 126th Plenary Session (online, March 19–20, 2021). Strasbourg, March 23, 2021 // Council of Europe. Venice commission : official site. URL: [https://www.venice.coe.int/web-forms/documents/default.aspx?pdfid=CDL-AD\(2021\)005-e](https://www.venice.coe.int/web-forms/documents/default.aspx?pdfid=CDL-AD(2021)005-e)
16. Марков Р. С. Языковой ценз на выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации: проблемы конституционно-правового регулирования и применения // Цифровые трансформации в развитии экономики и общества : материалы XV Международной научно-практической конференции (Липецк, 21 апреля 2021 г.) / под ред. А. Д. Моисеева. Воронеж : Наука-ЮНИПРЕСС, 2021. С. 514–518.
17. «Конституция Российской Федерации» : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

References

1. Smith D. Causes and trends of armed conflicts. *E`tnopoliticheskiy konflikt : puti transformacii : nastol`naya kniga Bergxofskogo centra = Ethnopolitical conflict: ways of transformation: handbook of the Berghof Center / transl. from English; ed. by V. Tishkov, M. Ustinova. Moscow: Nauka; 2007. P. 116–131. (In Russ.).*
2. Brubaker R. Ethnicity without groups / transl. from English by I. Borisova. Moscow: Publishing House "Higher School of Economics"; 2012. 408 p. (In Russ.).
3. Chandra K. Introduction / ed. by K. Chandra. Constructivist theories of ethnic politics. Oxford: Oxford University Press; 2012. P. 1–48.
4. Kolstø P. Introduction : Russian nationalism is back — but precisely what does that mean? / eds.: P. Kolstø, H. Blakkisrud. The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–15. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2016. P. 1–17.
5. Shnirelman V. Stigmatized by History or by Historians? The Peoples of Russia in School History Textbooks. *History and Memory. 2009;21(2):110–149.*
6. Suleymanov D. Pedagogies of culture schooling and identity in post-soviet Tatarstan, Russia. Cham: Palgrave Macmillan; 2020. 203 p.
7. Komarov N. P. Moscow House of Nationalities: from the experience of interethnic interaction in Moscow. Information and analytical collection based on the materials of the round table “Discussion of the article of the Chairman of the Government of the Russian Federation V. V. Putin “Russia: a national question” (February 1, 2012): to help for leaders of national public associations and national-cultural autonomies / ed. by N. P. Komarova. Moscow: Moscow House of Nationalities; 2012. P. 13–21. (In Russ.).
8. Stepanov V. V., Filippova E. I., Funk D. A. On the addition to the Constitution of the Russian Federation of the provision on the Russian language. Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences: official site. (In Russ.). Available from: <https://iea-ras.ru/index.php?go=News&in=view&id=2008>
9. Oliylyk I. L., Degtyareva L. N. The constitutional principle of the multinationality of the people and its role in the development of state national policy. *Donetsk readings 2020: education, science, innovations, culture and challenges of our time: materials of the V International Scientific Conference (Donetsk, November 17–18, 2020). Vol. 8: Juridich. science. Part 1 / ed. by S. V. Bespalova. Donetsk: Donetsk National University; 2020. P. 122–125. (In Russ.).*

10. Pain E. A. Xenophobia and nationalism in the era of Russian stagnation. *Pro et Contra*. 2014;62(1–2):34–53. (In Russ.).
11. Shabaev Yu. P., Omarov M. A. Regionalism and ethnicity in Russia: historical evolution and modern political practices. Moscow: RSUH; 2021. 481 p. (In Russ.).
12. Yakhshiyan O. Yu., Volokh V. A. Amendments to the Constitution of the Russian Federation as a basis for identity policy in the Russian Federation. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta upravleniya = Bulletin of the State University of Management*. 2020;(11):217–224. (In Russ.).
13. Yusupova G. N., Ozerova K. A. Cultural ethnic initiatives and (de)politicization of ethnicity in Russia. *Sociologiya vlasti = Sociology of power*. 2021;33(2):147–167. (In Russ.).
14. Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation on the compliance with the provisions of Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation of the provisions of the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation “On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority”, as well as on compliance of the Constitution of the Russian Federation on the entry into force of Article 1 of this Law in connection with the request of the President of the Russian Federation. *Vestnik Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii = Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 2020;(2):4–26. (In Russ.).
15. Russian Federation. Interim Opinion on constitutional amendments and the procedure for their Adoption : Adopted by the Venice Commission at its 126th Plenary Session (online, March 19–20, 2021). Strasbourg, March 23, 2021. Council of Europe. Venice commission: official site. Available from: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2021\)005-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2021)005-e)
16. Markov R. S. Language qualification in the elections of senior officials of the constituent entities of the Russian Federation: problems of constitutional and legal regulation and application. Digital transformations in the development of the economy and society: materials of the XV International Scientific and Practical Conference (Lipetsk, April 21, 2021).) / ed. by A. D. Moiseev. Voronezh: Nauka-UNIPRESS; 2021. P. 514–518. (In Russ.).
17. "The Constitution of the Russian Federation": adopted by popular vote on December 12, 1993: with changes approved during the all-Russian vote on July 7, 2020 // ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

Информация об авторах

Р. Р. Галлямов — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, истории и права;

И. В. Кучумов — кандидат исторических наук, доцент.

Information about authors

R. R. Gallyamov — Doctor of Science (Sociological), Professor, Head of the Department of Philosophy, History and Law;

I. V. Kuchumov — Candidate of Science (Historical), Docent.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022; одобрена после рецензирования 23.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 15.09.2022; approved after reviewing 23.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.